

ОТКЛИК ПЕТРАШЕВЦА НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.

Печатаемое ниже стихотворение принадлежит перу Александра Пантелеймоновича Баласогло, одного из петрашевцев.

Пользуемся случаем, чтобы сообщить некоторые биографические данные о нем, в печати, насколько мы знаем, до сих пор не появлявшиеся.

А. П. Баласогло, сын генерала, служившего в интендантстве Черноморского флота, родился в 1809 г. (по формулярному списку 1850 года ему было от роду 41 год); в 1826 г. он вступил гардемаринном по Черноморскому флоту, в 1829 г. произведен в мичманы и позже в лейтенанты. В Турецкую кампанию 1828-29 г. он находился при осаде и взятии крепости Варны и был награжден за участие в войне медалью. 19 декабря 1835 г. он выходит в отставку и в следующем году переходит на службу в Департамент Народного Просвещения, занимая должность младшего начальника хозяйственного стола и старшего помощника столоначальника канцелярии. В 1838 г. А. П. Баласогло снова меняет службу и переходит в комитет цензуры иностранной на должность его секретаря. 14 августа 1840 г. он снова выходит в отставку с тем, чтобы перейти в С.-Петербургский Главный Архив Министерства Иностранных Дел на должность помощника столоначальника. В Главном Архиве Баласогло остается до катастрофы 1849 г., занимая последовательно должности младшего и старшего архивариуса с производством в чин надворного советника (в 1846 г.). В памятную ночь 22 апреля 1849 г. А. П. Баласогло был арестован, в числе прочих петрашевцев содержался под арестом в С.-Петербургской крепости до 11 ноября 1849 г. Согласно мнения Военно-судебной комиссии он был освобожден из крепости с назначением на службу в Олонедскую губернию, где и был 3 апреля 1850 г. определен в штат Олонедского Губернского Правления. По приезде в Петрозаводск он был командирован Олонедским губернатором Н. Е. Писаревым для собирания статистических и этнографических сведе-

ний во вверенной ему губернии. К сожалению, нам не удалось собрать сведений о дальнейшей жизни А. П. Баласогло и о годе его смерти ¹⁾.

Уже при беглом взгляде на биографию А. П. Баласогло бросается в глаза какая-то неудовлетворенность своим служебным положением, побуждающая его несколько раз менять службу. В. И. Селевский, посвятивший много времени изучению деятельности петрашевцев, говорит о нем: «Трагедию его жизни составляет то, что он не мог удовлетворить своим научным стремлениям к изучению этнографии и филологии (ему очень хотелось изучить восточные языки), так как необходимость содержать большое семейство принуждала его тянуть чиновничью лямку ²⁾. Ему удавалось иметь кое-какие литературные заработки, пробовал он писать и стихи, и это несколько сблизило его с литературною средою ³⁾. И действительно, тяготение к науке, к литературе красной нитью проходит через всю его деятельность. Известно, что Баласогло написал «Проект учреждения в Петербурге общества ученых и любителей просвещения и устройства им книжного склада для возможно более дешевого издания и распределения книг с библиотекою для чтения и собственною типографией и литографией» ⁴⁾.

В 1849 г. он задумывает издание «Листков Искусства», главная цель которых «знакомить публику, по мере возможности, посредством печати, резьбы по дереву, на меди и на стали и литографии с ходом искусства вообще и русского в особенности» ⁵⁾. Издание должно было

¹⁾ Материалом для биографии А. П. Баласогло нам послужил главным образом «Формулярный список о службе состоящего в штате Олонецкого Губернского Правления надв. советника Александра Баласогло», составл. 27 апр. 1854 г., сохранившийся в копии среди рукописей А. П. Баласогло, в настоящее время находящихся в Рукописном отделении Росс. Академии Наук. См. «Отчет о деятельности Росс. Академии Наук за 1918 г.»

²⁾ А. П. Баласогло был женат на Марии Кирилловой, и к 1850 г. у него было пятеро детей: сыновья—Владимир, Борис, Всеволод и дочери—Ольга и Надежда. А. Б.

³⁾ В. И. Селевский, М. В. Бутаевич-Петрашевский, «Голос Минувшего», 1913 г., № 4, стр. 97.

⁴⁾ Там же, стр. 99.

⁵⁾ Среди рукописей Баласогло сохранился подробный план предполагаемого издания, весьма ценный для характеристики взглядов его автора.

обнимать отделы: рисование и живопись, валяние, зодчество и убранство жилища, музыка, словесность и театр, применение искусства ко всем наукам, и в первую очередь предположено было выпустить отдельными художественно-изданными книжечками «Русалку» Пушкина и «Сон» Лермонтова.

А. П. Баласогло много и напряженно читает, и результатом этой работы является опыт своеобразной энциклопедии знания. В. И. Семевский сообщает, что «Баласогло читал на собраниях у Петрашевского отрывки из какого-то большого и неоконченного сочинения «Об изложении наук», которого в следственном деле нет»¹⁾. Большая часть этого сочинения теперь найдена в рукописях А. П. Баласогло и с несомненностью свидетельствует о большой и разносторонней начитанности ее автора²⁾. На одной из пятниц Петрашевского Баласогло произнес речь о семейном счастье, которая, по словам Ястржембского, была сказана в духе учения Фурье³⁾.

Будучи уже в Петрозаводске, он находит выход своим научным стремлениям в собирании статистического, исторического и этнографического материала во время поездки по Олонецкой губернии. Как видно из доклада Баласогло Олонецкому губернатору Н. Е. Писареву, он представил в разное время 79 народных песен, собрание сказок, пословиц и загадок, словарь местного народного русского языка, собрание слов карельского и чудского языков, исторические документы, относящиеся к г. Каргополо, и ряд статистических и других материалов. Все это с несомненностью подтверждает тяготение Баласогло к серьезной научной деятельности, не давшей, к сожалению, результатов в силу сложившихся условий личной и общественной жизни.

Как личность, Баласогло пользовался общей любовью в среде петрашевцев, и его открытый и честный характер выказался в прямоте его показаний по делу Петрашевского, в котором он с теплотой и уважением отзывался о Буташевиче-Петрашевском.

¹⁾ В. И. Семевский. Назв. соч., стр. 99.

²⁾ Рукопись без начала и конца, F^o 231 л. Первая глава сочинения, читанная у Петрашевского, носит заглавие «Взгляд на разделение и изложение наук».

³⁾ В. И. Семевский. Назв. соч., стр. 110.

Сообщаемое нами стихотворение А. П. Баласогло, озаглавленное «А. Н. В.», посвящено Алексею Николаевичу Вульффу, как видно из его содержания.

Ближайшими сведениями о знакомстве автора стихотворения с А. Н. Вульфом мы не располагаем, но одно место стихотворения дает повод предположить, что оно произошло в Петербурге. Стихотворение, несмотря на некоторую риторичность, местами прямо затемняющую смысл, во многих отношениях интересно и для личности автора и для настроения круга лиц, к которым применил его автор. По содержанию своему оно собственно могло бы быть названо «На смерть Пушкина», так как почти целиком является несколько запоздавшим откликом на смерть поэта (под стихотворением стоит дата: 8 февраля 1840 г.). Характерен тот пиетет к памяти Пушкина и восторженная картина его деятельности, которая очевидно была общей для всего кружка петрашевцев. Некоторые строки не лишены силы и напряжения, подкупая при этом верностью понимания исторического значения поэта. Отметим для примера следующее место стихотворения:

Каким обдуманнм призываем
Сияла мысль его чела!
Каким уверенным шаганьем
Он шел, сознав, что Русь пошла!
Как волновал он силой звуков
Все поколение вперед,
И сколько нас и сколько внуков
Еще он двинет в новый ход ¹⁾!

Нельзя не отметить в стихотворении и некоторого оттенка славянофильства, когда автор говорит о всемирном значении Пушкина.

Но может быть, не так мы дики,
Как величает нас Париж,
И наши воинские клики
Не все, чем бредит их вертиж.
Придет пора — и я уверен,
Что после Пушкина уж нам
Не так отчаян и безмерен
Шаг к их всемирным образцам ²⁾

¹⁾ Рук. Отд. Ак. Наук, стих. А. П. Баласогло «А. Н. В.», л. 1 об.

²⁾ Там же, л. 5.

говорит поэт, а ниже всплывает у него уже прямо вера в провиденциальную миссию России:

Я говорил, что мир восплещет,
 Когда мы ринемся в него,
 Когда в нем молнией заблещет
 Штык примирителей всего.
 Когда вторым Наполеоном,
 Мы их рассудим и уйдем
 И этот мир объятый стоном,
 Одушевим своим умом.
 Тогда опять замыслит здраво
 Одной идеей целый свет
 И, оцененный, величаво
 Восстанет в лаврах наш поэт.

И теперь, спустя более 80 лет после смерти Пушкина, мы можем еще с большим правом сказать вслед за поэтом:

Благословенно же то время,
 Когда он жил и процветал!
 Благословен же род и племя,
 К которым он принадлежал!

27/III. 1919.

А. Бем.

А. Н. В.

Я был тогда еще ребенок
 И в городке глухих невежд
 Вертел, угрюмый дикаренок,
 Калейдоскоп своих надежд,
 Когда, гуляя да мечтая,
 Я вдруг подслушал у молвы,
 Что есть поэт Бахчисарая,
 Кавказ, Тригорское и вы.
 О, как я бросился в расспросы,
 Как стал просить, искать стихов!
 И, вот, на жаркие упросы
 Мне сдал журналы весь Тучков.
 Тогда всходил «Московский Вестник»
 Витней славы на амвон
 И «Телеграф», его совместник,
 Еще был молод и учен.

Тогда еще жужжала скромно
 Свои суждения «Пчела»,
 Злой «Инвалид» хромал бездомно,
 Сбирался бить из-за угла,
 И, вероятно, строя куры
 Всему парнассу наших муз,
 Учил афишечный наш вкус,
 Ждать «Новостей Литературы».
 И много было всех имен
 В ту благодатную годину:
 О многих нет уж и помину,
 Другие ждут иных времен.
 Что до меня, в то время славы
 Я привязался всей душой
 К Москве и к Вестнику; — но нравы
 Уж там не те, и я другой.

Тогда не то: там был властитель
 Всех дум России, всех сердец,
 Мой дальний идол, мой учитель,
 Он, незабвенный ваш певец.
 Он, светозарный ум народа,
 Несоблазнимый бич толпы,
 Могучий гений перехода
 С одной тропы на все тропы.
 Он, дикий вопль, смягченный думой,
 Высокий гимн в чаду пиров,
 С душой то страстной, то угрюмой,
 И с дивной музыкой стихов.
 Каким обдуманном призываньем
 Сияла мысль его чела!
 Каким уверенным шаганьем
 Он шел, сознав, что Русь пошла!
 Как волновал он силой звуков
 Все поколение вперед,
 И сколько нас, и сколько внуков
 Еще он двинет в новый ход!
 Я упивался одиноко
 Его Тиртеевским умом,
 Когда безгранно и глубоко
 Страдал и жил его стихом.
 То умиление молитвы,
 То необузданность любви,
 То гвал пиров, то клики битвы
 Рождали жар в моей крови.
 Я весь дрожал, не чуя сердца,
 И замирала голова,
 Когда объяли нововеерца
 Его волшебные слова.
 В моих глазах рябело счастьем,
 Приятно-сладостным вдали,
 Мир двел несбыточным участием,
 Кивала другом чернь земли.
 В ушах органно выли шумы,
 Трепали трубы, я скакал...
 И всё-то песни, — всё-то думы
 Я пел, и слушал, и слагал.
 О, было время, гимн пророка
 Творил пророка из меня,
 Душа стонала без упрека,
 И я, горя, молил огня.

Но, что ж? — Влюбленный в этот Вестник
 Приют их всех, его родни,
 Я стал их друг, их брат - ровесник,
 И, вот, я здесь — а где они?
 Где мой волшебник, мой Языков,
 С разгульной чашей, с красотой,
 С ценицей песен, с пиром кликов,
 С своей Тригорскою душой?
 Где Веневитинов? — угрюмец,
 Философ жизни в двадцать лет,
 Он, сирый в мире вольнодумец,
 Осиротивший мир и свет!
 Где грустный демон Подолинский
 С глухим гудением стиха?..
 Где Боратынский — Боратынский,
 Ум, падший ангел без греха!
 Где Хомяков, младенец веры,
 С живой мелодиею строф?
 Где Русский Мур, Ирландской сферы
 Всегда задумчивый Козлов? —
 Где Ознобишин, мой восточник,
 Игривый, страстный, полный сил? —
 Где этот Дельвиг, полуночник?...
 Увы, как много уж могил!..
 Давно ль они горели славою,
 Гордились гением - вождем
 И все рвались душою - лавой,
 «Промчатся с громом и огнем!»
 Давно ли хлынул в мир широко
 Их целый Нил — за валом вал, —
 Животворя всю Русь далеко
 От Финских и до Крымских скал?
 Давноль гремя в стране - равнине
 Их хор в ней поднял эхо - стон,
 Еще стоящий и поныне,
 Когда их песнь едва ль не сон?..
 И, вот, их нет. Учитель умер,
 И школа тихо разошлась.
 Журналы пали: каждый номер
 Сбывает нагло желчь и грязь.
 Литература стала рынок,
 Где все продажно — ум и яд,
 Позор фигляров, гуд вольноков
 И вой раздавленных ребят.

За дной возов невидно храмов,
А вместо гимнов и молитв,
Стоит содом от буйных хамов
И сплошь азарт кулачных битв!..

Теперь я понял превосходно
Ту раздражительную грусть,
Какой дышал он благородно
Учмый Русью наизусть.
Вот, он зачем, вплетаясь в братство
К паркетной черни, целый век
Ценил в душе аристократство,
Хоть был и Русский человек.
Его рассудку было стыдно
Тонуть в ничтожестве певцов,
Ему убийственно обидно
Казалось братство гаеров.
Он боязливо ненавидел
Нагое равенство людей
И в мышцах гадов гений видел
Всю нищету своих идей.
Спасая честь своей особы
От пятен давки без борьбы.
Когда вокруг медузы злобы, —
Один эгид — свои рабы.
Но мог ли б он, дитя свободы,
Складывать готовых в кабалу? —
Он, воплощенный гнев природы
На скопы рабствующих злу!
И, вот, ему осталось средство,
Исчезть в толпу друзей на вы,
Чтоб сохранить и мысль и детство
Уже лавровой головы.
И выбрал он, брезгливый к стаду,
Сноснейший омут для души,
Где ум кружится до упаду,
Мотая жизнь и барыши.
И где, чтоб слыть за человека,
Должно, за скудостью ума,
Веществовать по спросам века,
В гремушках общего ярма.
И тут, конечно, зверь на звере —
Везде один и тот же сброд! —
Но тут не гурт, по крайней мере,
Не брод — гелертерский приход.

Он подчинится всем затеям
Семи досужей и пустой,
Не даст стиха своим идеям,
Засыплет едких остротой;
Обманет праздность пированьем
В гурьбе изящных обедал,
И безотдушным прозябаньем
Сойдется с выскочками зал.
Он будет биться всем досугом
С ареной «тигров», спесь на спесь,
И победит врагом и другом
Их бесхарактерную спесь.
Он овладеет их хандрою
И, раб их вычур и одежд,
Восстанет думной головою
В высоком мнении невежд,
И, если так, и план свершится,
Тогда — в то время — о, тогда
Ему вся масса подчинится,
Вся золотая их орда!
Он пробичует их жестоко
Одним властительным стихом,
И воспоет тогда широко
И жизнь, и мир, и Русь с Петром.
Амвон гостиного вниманья
Обстанет Русь богатырей,
И прогремят его воззванья
До Европейских дикарей!..

Но он погиб. Борьба со светом
Не долго чистая борьба...
Остался б просто он поэтом,
Вдали, в глуши... Судьба! Судьба!
Какне жертвы ни приносит
Всеобщей жизни человек,
Его не ждет, его не просит,
Его отгадывает век.
Найти свой рок в простом повесе!..
Но это волки, это лес,
И есть всегда в подобном лесе
Свой Равальяк и свой Дантес.
Убийца был простой образчик
Тех отвратительных начал,
К которым трость и полулапчик
Так чудно идут в куклах зал.

Россия выставила гений,
 Они — Европа на Руси — ^{«Кл.»} ^{«Кл.»}
 Арена диких вождений,^{«Кл.»}
 Слепила крест: возьми, неси!
 Поэт поднял и нес достойно,
 Пока мальчишка, в свой черед,
 Не вздумал тешиться, спокойно
 Ища над гением острот.
 И он нашел. Поэт поддался,
 Толпа захлопала — ура!!!
 «Попался умник! Что? попался? —
 Шабаш! пора шута с двора!»
 Что оставалось тут поэту?
 Просить, унизиться, снести?
 Сойти со сцены? сдать ся свету
 На мудро начатом пути?
 Припасть в толпу, в толкучий рынок,
 На посмеяние рабам?..
 Нет, поединок! поединок!
 Стереть обидчика и срам!
 Они стрелялись. Где? — в Европе!
 Стал ярый гений — стал глупец.
 Есть смерть в угаре, есть в утопе,
 И есть надежда на свинец.
 Судьба решит, кто ей дороже:
 Глупец или гений. — Раз-два-три!..
 Кого же нет? .. О, Боже, Боже!
 Он жив, но жив лишь до зари.
 Зачем, зачем они хоронят
 Его столь пышным большинством:
 Его уж ниже не уронят,
 И не подымут торжеством.
 Зачем идут в широких шляпах,
 Факелосоды в два ряда?
 К чему огни в презренных лапах? —
 Погашена его звезда.
 Зачем так медленно ступает
 Хор этих певчих? — Ноты -флер...
 О, как мне душу раздирает
 Печальным всем этот хор!
 Зачем идут они с крестами? —
 Не воскресить его, отцы! —
 «Молите Господа сердцами!
 Молитесь, братья -слепцы!» —

Зачем под черные попоны
 Впрягли так много лошадей?
 Пусть ездят дугом на поклонны
 Да давят этаких людей.
 К чему на этом катафалке
 Стоит такой богатый гроб? —
 Его богатство было в палке,
 Которой Гений был особ,
 Зачем в мундирах, в звездах, в лентах
 Идет пешком вся эта знать?
 Ей ни в стихах, ни в монументах
 Себя пред ним не оправдать.
 На что в плерезах эти розы?
 О, лица женщин, это вы.
 К чему, к чему все эти слезы!
 Не переплакать вам молвы.
 Зачем терзает так размерно
 Глухая музыка толпу? —
 Все переходно, все неверно!
 Мы все к могиле бьем тропу.
 Зачем... Но, тихо и прощально
 Проходит шествие певца,
 И сзади тянется печально
 Ряд экипажей без конца.
 Все тротуары, окна, крыши,
 Вся мостовая — всё глаза;
 И, мнится, в гнездах нет и мыши
 И у жандармов есть слеза.
 О, больно, больно. Сердце колет,
 И давит душу вздох от слез.
 Вот, уж три года: но и сто лет
 Не снимет Русь своих плерез.
 Неужто он, наш гимн, наш гений,
 Убит, отпет и схоронен?
 Что скажут веки поколений?
 Кем мог бы быть он заменен?
 Неужто общая могила
 Его, как землю прижала?
 И эта чернь не оживила
 Его потухшего чела?
 Когда с последним целованьем
 Кидались тысячи на труп,
 Зачем мольбой, зачем взываньем
 Не отворили вещей губ!

Зачем дыханье, вопли, голос
И всемогущий взрыд жены
Не встрепенули хоть бы волос
На голове, забывшей сна!
Зачем ясины, розы, шарты
Не разбудили в теле дух!
И даже мускус, даже спирты
Не привели души в испуг?
Зачем не двинул он хоть бровью,
Не дрогнул жилкою руки,
Когда весь мир с такой любовью
Вкруг задыхался от тоски!
Зачем не встал он, ум бесценный,
И не сказал, смеясь, друзьям,
Что он для шутки, несравненный,
Был бледен, холоден и прям!..

Увы, задержанные слезы
Не полились у всех ручьем:
Не расцвели зимою розы
И не вздохнул он бытием!
Друзья стояли молчаливо,
Народ ходил, смотрел, шептал,
Студенты тискались ревниво,
А труп лежал, и все лежал.

О, почему ж тогда природа
Не собрала всех лучших сил,
И этот вопль всего народа
Ее ума не умолил!
Зачем лежал он бездыханно,
Случайный гений этих душ,
Оставив всех, и так неожиданно,
Один поэт, боец и муж!
Его души не растревожили
Ни вздох, ни клик, ни плач людей:
Он умер — умер и не ожил,
Не додав миру всех идей!
И вот, печально и забвенно
Живет без гения страна:
Умы торгуются презренно,
И песнь с певцами похорона.
Его дажевая гробница
Одна святых для души
И емлет мыслить вся столица
В ее задумчивой глуши.

На белый мрамор каплют слезы,
Угромо ум вперяет взор,
И по челу мелькают грезы,
Как тень от облака меж гор.

И может быть, что Русь в печали
Нагрезит миру сонм голов,
Какие вряд существовали
Отрадной гордостью веков.
Восстанут, может быть, такие
Своенародные умы,
Которых гимнами впервые
Подыдем голову и мы.
Многоученная Европа,
Конечно, права, между тем
Мы прозябали вне окопа
Всех политических систем.
Ее искусства и науки
Цвели без нас и не для нас:
Рим передал не в наши руки
Останки свитков, вилл и ваз.
Не нам, не нам — ее народам
Да будет слава и позор,
Что, в торжестве чужим невгодам,
Они валят к нам весь свой сор.
Но мы из этого же сора
Все извлечем, все разберем
И бурей, жаждущей простора,
Весь мир целебно обожжем (?).

Конечно, Русь и не вносила
Своих богов в их пантеон,
Одна ее крутая сила
Вставала пугалом племен.
Но, может быть, не так мы дики,
Как величает нас Париж,
И наши воинские клики
Не все, чем бредит их вертиж.
Придет пора, — и я уверен,
Что после Пушкина уж нам
Не так отчаян и безмерен
Шаг к их всемирным образцам.
Что был он, в самом деле, в мире,
Который он же нам открыл,
Как не отзыв на Русской лире
Тому, что Запад пел и выл?

Как не последний отголосок,
 Которым Русская душа,
 Сдалась, их «буйный недоносок»,
 На песнь народа-торгаша? —
 Лорд Байрон был певец страданья
 О том, что мир так зло нечист,
 Глубокий вопль самосознанья,
 Что человек есть эгоист.
 Он, человек не Англичанин:
 Он и торгаш и людоед,
 Однакож был у них же Каннин,
 У них же был и сам поэт.
 Россия приняла стихии
 Всей Европейской кутерьмы.
 И, вот, явился и в России
 Такой же Байрон на умы.
 Но он, высокий обожатель
 Всемирно первого певца,
 Не как невольный подражатель
 Достиг народного венца.
 Он тем велик, что, совпадая
 С печалью Английской души,
 Постиг мечту родного края
 И огласил ее в глуши.
 Что пел Державин одиноко,
 Что Ломоносов создавал,
 То Пушкин выстрадал глубоко
 И пред Европой отстоял.
 Придет пора, и будут люди:
 Он оправдается, зачем,
 Едва раскрыв для песен груди,
 Он чуть не смолк было совсем.
 Никто не чувствовал в то время,
 Когда он думал и не пел,
 Какое тягостное бремя
 Судьба дала ему в удел.
 Его разрозненная школа
 Едва ли знает и сама,
 Что романтизм его раскола
 Был гимн не Русского ума.
 Один Языков, может статься,
 Как выраженье сам себя,
 Учась, студентствуя, любя,
 Умел по-русски выражаться;

И, может быть, еще досель
 Не перестал в странах ученых
 Учиться просто у мудреных,
 Нельстясь на гниль и скороспелъ.
 Они, сознав свои дороги,
 Одни хотели и могли
 Ища в учении помощи,
 Открыть, где Клад родной земли.
 И, вот, зачем умолкли оба,
 И уж один, как Русь ни плачь,
 Не заносит теперь из гроба,
 Как пел меж бурь и неудач.
 Ей остается лишь надежда,
 Что он дал всем такой толчок,
 Что и всеведа и невежда
 Дадут грядущему оброк.
 И, исполняя религиозно
 Заветы гения, страна
 Сознает рано или поздно
 Идею собственного сна.

Я говорю, что мир восплещет,
 Когда мы ринемся в него,
 Когда в нем молнией заблещет
 Штык примирителей всего.
 Когда вторым Наполеоном,
 Мы их рассудим и уйдем,
 И этот мир, обьятый стоном,
 Одушевим своим умом.
 Тогда опять замыслит здраво
 Одной идеей цельный свет,
 И, оцененный, величаво
 Восстанет в лаврах наш поэт.

Благословенно же то время,
 Когда он жил и процветал!
 Благословим же (?) род и племя.
 К которым он принадлежал!
 Блажен тот взор, который видел
 Его разумные черты,
 Который светски не обидел
 Его высокой простоты.
 Блажен, кому еще сдается,
 В уединеньи и в шуму,
 Что будто голос раздается,
 Знакомый чувству и уму.

Блажен, кто понял в человеке
 Его достоинство и нрав,
 И, полюбив в библиотеке,
 Не разлюбил в пылу забав.
 Чья, может стать, симпатия
 Дышала розами певцу,
 Иль чьих советов энергия
 Крепила силы мудрецу.
 Но — вы несказанно блаженней,
 Цена его нежнее всех:
 Вам жить, что миг, благословенней
 Вам, что ни час, то сто утех!
 Кто облегчал ему гоненье,
 Кто говорил ему: живи!
 Когда постигло заточенье
 Любимца славы и любви?
 Кто умирал его роптанья,
 Пред кем он праздновал душой?
 Ум одинокого страданья,
 Неразумемый толпой!
 Кто извинял его ошибки,
 Причуды гения в борьбе,
 И всемогуществом улыбки
 Мирил певца к его судьбе?
 Кто приводил все это в действие,
 Не ждя ни лести, ни молвы? —
 Не ваше ль милое семейство,
 Не вы ли сами? — сто раз вы!

Примите ж вы за ваши чувства
 Мой недостойный фимиам:
 Когда б он жив был, жрец искусства,
 Не я, а он кадил бы вам.
 Но так как он уж нас оставил,
 Примите жертву от меня:
 И я пока живу для правил,
 Для Прометеяева огня.
 Я не наскивался с лестью,
 Я слишком дико горд умом, —
 Но всей оказанной мне честью
 Я сделан вашим должником.
 И что скрывать, я рад глубоко,
 Что мне судьба моя сама
 Дает гордиться одиноко
 Вниманьем вашего ума.

Приемом темного счастливца
 В тот самый круг, где вхож был он,
 Вы ободрили горделивца
 На весь его душевный сон.
 Мои денители в особах,
 Дававших гению приют!
 Мой бедный дар, убитый в пробах,
 Освистан всюду, но не тут!
 Я тут, где лучшая оценка
 Всегда была его трудам, —
 И нет искусного оттенка
 Моим презренным судиям!
 И мог ли думать я, читая
 Тринадцать лет тому назад,
 Под говор мутного Дуная,
 О силе Соротских наяд,
 О жаре в полдень, летней буре,
 Закате солнца, и о том,
 Как воз, [нрзб.] чудо — по фигуре
 Считает бревна колесом, —
 Что, в захолустье Черноморском
 Узнав про Сороты и Неву,
 Сойдусь, мечтатель о Тригорском,
 С его жильцами на яву!..

О пусть слепая воля рока
 Меня с певцами развела,
 Пусть не увижу, как Востока,
 Я меденатного села:
 Но я узнал, кого так пели
 Они, высокие, — и мне
 Отрадно вторить на свирели
 Их гимну, вечному вдвойне.
 Я вижу вас, в кругу всех ваших
 И, ум опальной головы,
 Пою без лир их, пью без чаш их,
 Да мирно здравствуете вы!
 Да улыбается вам счастье,
 Как ваша милая семья,
 И да найдется беспристрастье,
 Чтоб было строже к вам, чем я.
 А я давно благословляю
 Свою бесцветную судьбу,
 Что я хоть изредка выдаю
 Тех, кто постиг мою борьбу.

И что, гонявшись так напрасно
За тем, кого теперь — увы! --
Уж и оплакивать опасно,
Я очутился там, где вы:
Где есть денящие в столице, —
По виду Русской — Русский ум;

Где мнится мне, хоть он в гробнице
Его приходом всякий шум;
Где мысль его авторитета
Цветет живей его письмен,
И где бессмертный лавр поэта
Уж обнял буквы всех имен.

8 февраля 1840.

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922